

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А было время, когда играть джаз в нашей стране запрещалось...

— Все это наши парадоксы. В 48-м году вышло знаменитое постановление "Об опере "Великая дружба", результатом которого явилось запрещение джаза и вообще всего нового в музыке. А эта опера, кстати, ничего нового не несла, она была построена на традиционной музыке. Тут явно кто-то из советников и министров правительства чего-то недосмотрел. Но эта очередная чушь в истории культуры нам очень дорого стоила. Все закупилось по цене пяти бутылок водки, вместо фокстротов стали играть марши.

Но запретный плод сладок. Народ начал активнее интересоваться джазом, мы стали кумирами публики, нас приглашали на всякие неформальные вечера. Правда, когда сняли запрет, ажиотаж постепенно спал, и в джазе остались истинные любители.

— Сейчас такое обилие разнообразных музыкальных жанров — и тем не

хват, потом мы шли на какие-то подработки, и так до двенадцати ночи. Вот и решил: зачем мне вся эта суeta, буду сидеть дома и писать музыку с той же "Мелодией" сотрудничать. Так и продолжалось лет шесть-семь. Но однажды, вернувшись из США, я с грустью узнал, что ансамбль прекратил свое существование. Кстати, девять из 12 музыкантов живут сейчас за рубежом, все имеют работу.

После этого у меня был замечательный биг-бэнд в Москве, который состоял из лучших солистов, но, к сожалению, он был частным, жил за счет спонсора. А потом спонсор разорился и уже не мог нас поддерживать.

Так что я чувствовал тоску по большому оркестру, и когда генеральный директор творческого объединения "Премьера" Леонард Гатов, мне предложил. Хотя, конечно, я понимал, что здесь музыканты пока не того уровня, как в Москве, но хорошие инструменталисты. Прошло время, и результат, как говорится, налицо.

Сейчас я уже рад, что решился на этот эксперимент. В Краснодаре народ очень

за тем, что происходит на экране. Это просто каторжный труд.

Вспоминаю один эпизод на записи музыки к кинофильму Андрона Михалкова "Романс о влюбленных". Музыку написал композитор Александр Градский. Он хороший мелодист, но с оркестром, как сошел, был на "вы". Поэтому он позвал написать партитуру молодого аранжировщика Дмитрия Атовьяна. Когда попробовали проиграть партитуру, то выяснилось, что кое-какие эпизоды просто невозможно сыграть. Все было загнанным в такие невероятные регистры, что оркестр трудился с вытаращенными глазами. Создалась сугубая ситуация. Потом Андриков сказал: "Все будет так, как скажет Жора". Пришлось многое адаптировать, я потратил на этот фильм столюкн кровя и нервов, это строго встольно кровя.

Есть у меня и любимый фильм — это "Покровские ворота". С Михаилом Козаковым работая, правда, было далеко не просто. Миша — псих ненормальный в хорошем смысле слова, но главное — не процесс творчества, а конечный результат. Когда мы ему показыва-

Встреча для вас

Тот самый Гаранян

менее на концерте биг-бэнда у вас всегда аншлаг. Выходит, джаз переживает свое второе рождение?

— Наши концерты в последнее время действительно проходят очень хорошо, и я не выпущу, чтобы публика с них ушла недовольная.

Все очень просто: народ приходит на концерты и хочет видеть и слышать то, что ему нравится или может понравиться. Он видит наши эмоции, видит, как мы энергично играем и отдаемся всей душой музыке, и это заражает. Вспомните хотя бы наш недавний концерт в Москве, он прошел с большим успехом и вызвал массу хороших откликов в прессе. Хотя, когда я первый раз привез в столицу наш коллектив, реагировала примерно так: "Джаз? Из Краснодара? Ну-ну". Неджазовые лица у троих музыкантов, говорили. Сейчас мы выступаем и в Большом зале Московской консерватории, и в Государственном концертном зале им. Чайковского, и в Кремлевском Дворце, и на многих международных джазовых фестивалях.

— Есть ли у вас ученики, продолжатели вашего дела?

— Ни одного. Несколько раз я попытался заниматься педагогической деятельностью, но не смог, просто физически не хватало ученик, москвич, но, к сожалению, он умер от рака в 40 лет. Хотя я знаю, конечно, что рано или поздно мне придется заняться педагогической деятельностью, надо кому-то передавать мои знания.

— Наверняка продолжателями вашего дела могли бы быть и артисты немало талантливых музыкантов.

— Да, у меня в коллективе много интересных исполнителей. Я не буду даже говорить о гонимых в музыке, например, пианист Женя Серебрянников, настоящий импровизатор высокого класса. Для меня большая честь, что он работает, очень поощряю надежды барабанщик Леонид Ольховский. Вообще барабанщик — очень сложная профессия. Нужно быть пердцем, котом не мешать. Вообще все остальные члены ритм-секции: Эдик Атакишев, гитарист Валерий Золотарев — все это очень хорошие музыканты. Основа оркестра, конечно же, трубы. Валерий Юдин — наш первый трубач и концертмейстер, Николай Лефтеров (тромбон), Владимир Шаповалов (альт-саксофон) — тоже прекрасные музыканты.

— Краснодарский биг-бэнд существует немногим более двух лет. Срок для коллектива совсем небольшой, а вам удалось многое добиться? Оркестр знают по всей стране. А как все начиналось?

— Начиналось все очень трудно. Порой музыканты даже не понимали, что я от них хочу. Приходилось ломать все то старое, что было в них заложено. Просто никто никогда не придавал в работе с ними такого значения культуре исполнения, штрихам, как это делаю я. Для меня детали исполнения — самое главное. Помимо того что музыкант должен быть хорошим инструменталистом, он должен играть красиво на любом инструменте, обладать хорошей техникой и культурой исполнения.

Честно говоря, когда я своих ребят прослушал первый раз, мне стало немного не по себе: а как же я возьму на себя такую ответственность, зачем я согласился?

— А на самом деле, почему вы согласились?

— Начнем с того, что в Москве у меня не было своего коллектива, а я не могу жить без большого оркестра. В свое время у меня была "Мелодия", которая сейчас уже распалась. Почему я ушел из ансамбля "Мелодия", в то время когда он был в апогее славы? Просто решил послать себя на композитству, перестал хватать на все времена. Встал в пять утра, писал музыку к фильмам, потом надо было идти дирижировать, а ансамбль "Мелодия" был нарас-

хороший, и отношение к оркестру хорошее. И потом компания у нас такая замечательная собралась: Юрий Григорович, Владимир Понькин, Адольф Шапиро. С вами скажете — не поверят. Вот сейчас с Шапиро у нас очень интересный проект: спектакль "Вестсайдская история".

— Мы заговорили о вашей работе с известнейшим мастером. А с кем из известных вам еще довелось работать, когда вы руководили "Мелодией"? И о ком у вас самые теплые воспоминания?

— Проще назвать тех, с кем мне не пришлось работать. Никогда не работал с оперными певцами. С остальными — Кобзоном, Пугачевой, Тухмановым, в общем, почти со всеми популярными певцами и композиторами — поработал. Самые теплые воспоминания у меня о Володе Высоцком. Первый раз он появился где-то в 73-м году, зарождался ансамбль "Мелодия" только зарождался. Он пришел ко мне и говорит: "Жора, давай запишем песни". Я ему отвечаю: "Да ты же весь запрещенный!" Как оказалось, Володя все же пробил запись двух дисков. Но знаю, как ему это удалось, может, через Марину Влади. Сейчас уже не помню, но это примерно 24—26 песен. Я был просто поражен.

Начало работать — кстати, все эти записи Володя впоследствии считал самыми качественными в его библиотеке. Работать с Володей было просто замечательно. Он очень легкий человек. Кроме музыкантов "Мелодии", с нами играли струнная группа, музыканты были из лучших симфонических оркестров Москвы. Все эти маститые профессионалы в перерывах с восторгом слушали, как Володя пел для нас под гитару свои новые песни — в то время, естественно, запрещенные.

Говорят, Высоцкий пил. Я лично на записях никогда его пьяным не видел. Но говорили и другое: его редко кто видел пьяным, потому что он это делал в компании только очень стрелных друзей. А потом у него было стремление, когда он входил в алкогольный раж, сесть на поезд и куда-то уехать.

Не знаю, правда ли это. На мой взгляд, Высоцкий — просто изумительный человек. Знаете, перед самой своей смертью он позвонил мне и сказал: "Жора, давай запишем с тобой еще один диск". Я согласился. Но, увы, через неделю Володя умер.

— Расскажите о своей работе в кино. Музыку к скольким фильмам вы написали? Какой у вас любимый фильм?

— Я написал музыку к тридцати с лишним фильмам, дирижировал оркестром на записях еще примерно к 150 фильмам. Четыре года я был директором оркестра кинематографии, десять лет проработал на фирме "Мелодия", и практически музыке ко всем кинофильмам того времени, где были композиторами Гладков, Дашкевич, Дунаевский, записывали мы с ансамблем "Мелодия".

Запись музыки к фильмам — очень трудная вещь, все время нужно следить

за тем, что происходит на экране. Это просто каторжный труд. Вспоминаю один эпизод на записи музыки к кинофильму Андрона Михалкова "Романс о влюбленных". Музыку написал композитор Александр Градский. Он хороший мелодист, но с оркестром, как сошел, был на "вы". Поэтому он позвал написать партитуру молодого аранжировщика Дмитрия Атовьяна. Когда попробовали проиграть партитуру, то выяснилось, что кое-какие эпизоды просто невозможно сыграть. Все было загнанным в такие невероятные регистры, что оркестр трудился с вытаращенными глазами. Создалась сугубая ситуация. Потом Андриков сказал: "Все будет так, как скажет Жора". Пришлось многое адаптировать, я потратил на этот фильм столюкн кровя и нервов, это строго встольно кровя.

Есть у меня и любимый фильм — это "Покровские ворота". С Михаилом Козаковым работая, правда, было далеко не просто. Миша — псих ненормальный в хорошем смысле слова, но главное — не процесс творчества, а конечный результат. Когда мы ему показыва-

ли нашу работу, он ругался и говорил: "Что это за фигня?" А на записи уже — совсем обратное: "Ну надо же, какая миленькая музычка". Я ему отвечал: "Это то, на что ты кричал, шипел и топал ногами". Его можно было увидеть только конечным результатом, а в процессе работы он очень придирчивый, вспыльчивый. Но творческим людям многое можно простить, главное — что мы имеем в итоге.

А "Покровские ворота" — получился просто чудесный фильм. Он настолько приближен к реальности, настолько в нем присутствует добрый юмор, настолько типичны для того времени ситуации, что вызывают они самые теплые чувства.

В "Покровских воротах" мне очень приятно звучат и его песни. Там есть и замечательные куплеты, которые пришлось стилизовать к той эпохе. Леонид Бронев артистом, он куплеты делал одареннее, чем многие именитые куплетисты. С этими куплетами вышла интересная история. У нас была задача — достать самые пошлые куплеты, пародию на музэстраду. Мы обратились к одному конферансье, очень хорошему артисту, но куплеты у него были совершенно бездарными. Наговорили ему всяческих комплиментов, записали эту ахинею и создали фильм. А он с восторгом смотрел "Покровские ворота" и был счастлив, что там звучали его куплеты.

— Наверное, вам нравятся "Покровские ворота" и за то, что в этом фильме ощущается какой-то неповторимый московский дух, вы ведь москвич. Скажите, а краснодарским духом вы еще не прониклись за время работы?

— Постепенно проникаюсь. И прежде всего через женщин. В Краснодаре просто удивительные, уникальные женщины. Сколько красавиц вы вырастили! Из пяти самых лучших в мире русских фотомоделей одна — из Краснодара.

— А на фоне Москвы Кубань в культурном отношении не выглядит провинцией? Вам есть с чем сравнивать, вы живете в Краснодаре в Москве, а на полвину — в Краснодаре.

— Не знаю о всей культурной жизни Кубани, но на примере творческого объединения "Премьера" скажу: такого хорошо организованного очага культуры в России я нигде не видел. Это просто уникальное явление.

— В Краснодаре у вас биг-бэнд. А что в Москве?

— Работу хватает. Во-первых, я сейчас работаю над партитурой к "Вестсайдской истории". Кроме того, у меня много концертов. Недавно, к примеру, был концерт "Саксофон — король джаза" в Большом зале Московской консерватории в рамках абонемента, 29 мая будет концерт "Джаз и симфоническая музыка". Кстати, у меня есть повод гордиться: я — единственный из джазовых музыкантов, кто имеет такой абонемент.

— Много времени уделяете проводить со своей семьей? Расскажите о ней.

— Я женат уже четвертый раз. Жена — журналист, телережиссер, работала на ТВЦ, сейчас у нее индивидуальный проект. Дочь учится на журфаке в Московском госуниверситете.

— Поделитесь, пожалуйста, своими ближайшими планами.

— Из ближайших планов: мы с оркестром собираемся сейчас в первое зарубежное турне на Тайвань, готовим очень интересную программу, в которую войдет популярная музыка. А вообще планы впереди, расписана все года на два вперед. Будем надеяться, они осуществляются.

— Удачи вам в вашей творческой деятельности, и чтобы все задуманное — сбылось!

Беседовала
Ирина ДОМИНОВА.